

О МАМЫШЕВОЙ О. Н. — ПРОКУРОРУ

МАМЫШЕВА Ольга Николаевна. Получила среднее образование. Проживала в Киеве, работала в учреждении. 23 декабря 1930 — арестована и заключена в тюрьму. В августе 1931 — к Прокурору по надзору за органами ОГПУ обратилась с заявлением ее мать, Мария Владимировна Мамышева.

<15 августа 1931>

«ПРОКУРОРУ УССР
по надзору за органами ГПУ

МАМЫШЕВОЙ Марии
Владимировны, Киев,
М<алая> Житомирская № 17-6

Заявление

Дочь моя Ольга Николаевна МАМЫШЕВА заключена под стражу Киевским сектором ГПУ с 23/XII - 30 г<ода>. Дело ее закончено и направлено для разрешения в Харьков.

Как выяснилось, она обвиняется в том, что зная о том, что обвиняемый в свое время по делу Ц.Д. Вельмин скрывается, — не сообщила об этом властям. Я обращаю внимание Прокурора на то, что Вельмин скрывался в 1923 г<оду>, 8 лет тому назад; ареста он избежал без всякой помощи и ведома со стороны дочери моей, т<ак> к<ак> тогда ее даже не было в Киеве, и она узнала об этом спустя неделю. Вина ее заключается только в том, что у нее не хватило гражданского мужества сообщить о нем властям. Тогда политическая роль Вельмина была еще никому неизвестна, а старые личные отношения Вельмина к дочери моей были причиной тому, что ей было трудно отказать в настойчивых просьбах свиданий, диктуемых, конечно, только личными отношениями.

Только этими личными моментами и объясняется ее недоносительство. Идеологически же Вельмин был совершенно чужд дочери моей, честно работавшей на советской работе с первых дней Советской Власти. Кроме того надо подчеркнуть, что истинная контрреволюционная деятельность Вельмина до процесса Ц.Д. была совершенно неизвестна моей дочери. С тех пор прошло уже 8 лет, в течение которых дочь моя не поддерживала никаких сношений с Вельминым; правда, в процессе следствия дочери моей ставилось в вину еще одно обстоятельство: что она не отказалась принять присланные ей Вельминым книги сочин<ения> Адамова, но самим же следствием установлено было, что книги эти чисто беллетристические, без всякого политического значения, и следствием так же было точно установлено, что книги эти были переданы без ее ведома и вопреки ее протестам, а потом сожжены, а потому и этот факт вряд ли может быть в какой-либо мере поставлен в вину моей дочери.

Все это вполне доказывает, что никакой социальной опасности она собой не представляет и применять в отношении ее репрессий совершенно нецелесообразно.

Дочь моя человек совершенно больной, почти инвалид: она больна сердцем, <...>¹; все эти болезни подтверждаются прилагаемыми при сем медицинскими свидетельствами.

¹ Далее перечисляется ряд болезней.

На основании изложенного, имея в виду, <что> применение репрессий к моей дочери О<льге> Н<иколаевне> МАМЫШЕВОЙ — не вызывается государственной необходимостью по причине явного отсутствия социальной опасности ее и что в то же время при тяжелом состоянии ее здоровья — дальнейшее нахождение ее вне семейной обстановки может повлечь для нее роковые последствия — прошу не применять к ней никаких репрессий, учитывая, что свою незначительную и легко объяснимую вину она вполне искупила уже девятимесячным заключением под стражей.

Подпись М. Мамышева.

Прилагаю при сем копии мед<ицинских> свидетельств выданных 1) врачом поликлиники им<ени> Ленина; 2) Киевской Клинической больницей им<ени> Октябрьской Революции за № 1795; 3) Хирургом <нрзб.>; 4) Выпиской из книги Социального страхования, как подтверждение сложного перелома ноги и закупорки сосудов (тромбоз).

Приложенные при сем копии медиц<инских> свидетельств, могут быть заменены подлинниками при первом же требовании.

Подпись М. Мамышева»².

² ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 472. С. 109. Машинопись, подпись и перечень копий медицинских документов — автограф.